

Администрация Пермского края
Министерство культуры и массовых коммуникаций Пермского края
Администрация города Кунгура
Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ГРИБУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2009

Музей в пространстве и времени

Кунгур, 2009

Грибушинские чтения-2009. Музей в пространстве и времени. Тезисы докладов и сообщений VII межрегиональной научно-практической конференции (г. Кунгур, 23-25 апреля 2009 года). Кунгур, 2009. 617с.

Краеведческие Грибушинские чтения проходят с 1998 года. Конференция носит имя Михаила Ивановича Грибушина (1832-1889), почетного гражданина города Кунгура, купца первой гильдии, видного общественного деятеля и благотворителя. Очередные седьмые чтения посвящены 100-летию Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Генеральный попечитель конференции
ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь»

Редакционная коллегия:
С.М. Мушкалов, Н.В. Паршакова, О.А. Ренева, С.Т. Лапшина

© Кунгурский историко-
архитектурный и художественный
музей-заповедник, 2009
© Коллектив авторов, 2009

В культурных слоях заложенного раскопа, а также в ходе осмотра обнажений береговой линии, были обнаружены фрагменты средневековой керамики, кости животных, а также неопределенные обломки бронзовых изделий. По составу глиняного теста, общему виду фрагменты керамической посуды, найденной на поселении, хронологически одновременны керамике из раскопок Ермаковского и Кунгурского (II) городищ (т.е. к XI-XIII вв. н.э.). Это говорит о том, что поселение существовало одновременно с городищами и могло быть временным местом жительства древних людей. О кратковременности существования поселения можно судить по небольшому объему найденной керамики. Кроме этого, найдены небольшие фрагменты кальцинированных (сильно обожженных) костей животных, один фрагмент неопределимого бронзового изделия, а также гильза от патрона (более позднего периода – времен гражданской войны). Обломок бронзового изделия представлен в виде сложенной пластины с неровными краями и следами воздействия огня.

В настоящее время состояние выявленного памятника археологии можно считать аварийным – культурный слой подвергается систематическому разрушению в ходе природных процессов (размывается).

Памятник археологии «Кунгур 1 (Медвежий лог), поселение» представляет большой интерес для изучения материальной культуры поселений средневекового населения Сылвенского поречья, и его изучение необходимо продолжать.

Бронзовые коньковые подвески из экспозиции Кунгурского музея-заповедника

*Л.И. Липина,
г. Ижевск*

Среди археологических экспонатов Кунгурского музея-заповедника находят удивительные по красоте композиции и мастерству исполнения находки. Речь идет о шумящих подвесках с изображением коней. Головы бронзовых коньков на длинных изогнутых шеях развернуты в разные стороны, между ними расположен сильно стилизованный антропоморфный персонаж, который одновременно играет роль петельки для подвешивания. Изделия снабжены шестью шумящими привесками в виде колокольчиков на четырёхвитковых звеньях.

Бронзовые подвески были обнаружены в 1961 году при раскопках жилища № 4 городища Лобач на правобережье Сылвы археологом Г.А. Шокушевым. Изделия находились в истлевшей берестяной шкатулке с двумя подобными им коньковыми подвесками (разница заключается в количестве шумящих дополнений) и пронизкой в форме усеченной пирамиды¹. Все они экспонируются в витрине музея.

Городище Лобач определено археологами как памятник неволинской культуры, образовавшейся, по мнению Р.Д. Голдиной, перемещением из-за Урала саргатских племён, притоком поздних сармат с р. Белой и местным пермским населением². Расцвет неволинской культуры А.Г. Иванов объясняет многочисленными контактами местного населения с южным миром в VI-VIII вв.³

Подвески со сдвоенными протомами (передними частями) коней, фигурой

женского божества в виде отверстия для подвешивания изделия и шумящими дополнениями появились на территории Верхнего и Среднего Прикамья – на памятниках неволинской, ломоватовской и поломской культур с VII в.⁴ Позднее, в VIII-IX вв. в этой категории изделий наряду с реалистическими встречаются схематичные изображения коней, а число шумящих привесок достигает шести.

Рассматривая местоположение двухконьковых шумящих подвесок в погребениях, можно зафиксировать наиболее характерное их использование в костюме – симметрично на груди, так как найдены они, как правило, в области грудной клетки или пояса (Варнинский могильник, погреб. 25, 163; Неволинский могильник, погреб. 99, 239). Возможно, они использовались в качестве наконечников, завершали длинные, унизанные бронзовыми бусами шнуры, крепившиеся к одежде на уровне плеч и свисавшие на грудь, или на пояс⁵.

Для семантического анализа сюжета на этих подвесках необходимо обращение к индоевропейской мифологии, поскольку именно в индоевропейской среде была одомашнена лошадь и выработаны основные мифоритуальные традиции, связанные с ней⁶.

По мнению Е.Е. Кузьминой, художественный образ двух противостоящих коней возник в архаическое время. В сако-скифском мире известны композиции в виде двух противопоставленных всадников, коней или конских голов, иногда с женщиной или деревом между ними⁷.

Одной из самых распространённых версий интерпретации изделий со сдвоенными коньками это – изображение божественных близнецов. Близнецы являются детьми кобылицы, ездят на конях, изображаются парой коней или оказывают покровительство коням. В мировой мифологии этими чертами обладают чудесные древнеиндийские близнецы Ашвины, древнегреческие Диоскуры, Санасар и Багдасар в армянском эпосе⁸. Образ Ушас, матери Ашвинов, восходит к индоевропейскому представлению о заре, и сопоставим с женскими божествами типа Великой матери. Ашвины («обладающие конями» или «рождённые от коня») – самые популярные персонажи в Ригведе, они объезжают за день Вселенную и провожают тьму, приносят богатство и жизненную силу. Один из них – сын ночи, другой – сын рассвета; они как солнце и месяц, день и ночь, небо и земля или небо и река⁹. С рассмотренными образами сопоставимы божественные близнецы из других традиций, например, Диевасы и Усиньш в балтийской мифологии, фетишами которых является пара коней, солнце и огонь¹⁰.

Иконография близнецов Ашвинов, по Ригведе, представляет собой мировое дерево – опору солнца или богиню-мать, стоящую в центре, по обеим сторонам которой располагаются её сыновья – Ашвины в образе юношей, всадников, птиц, а чаще всего, – коней¹¹. Композиции, изображающие греческих Диоскуров, заключают в себе выступающую из земли богиню Деметру, со стоящими рядом двумя юношами, всадниками, конями или только конскими головами (иногда фигура богини отсутствует). В скифской культуре «владычица зверей с протомами животных по бокам» олицетворяла функции плодородия как человеческого, так и животного, была покровительницей умерших, великим божеством жизни и смерти¹². Такой же сюжет был очень популярен у славян – «богиня плодородия Макошь между двумя

коньями»¹³. В мифологии многих народов мира есть представления о матери близнецов, как об обладательнице дара повышенного плодородия, а о самих близнецах как о символе плодородия.

Изображение богини с близнецами, считает Е.Е. Кузьмина, возникло независимо у разных индоевропейских народов как отражение сходных религиозно-мифологических представлений и датируется рубежом II - началом I тыс. до н.э.¹⁴ Семантически все эти композиции тождественны. Совершенно идентичные изображения в прикамском искусстве дают основания к такому же толкованию этих коньковых изделий, как богини солнца и плодородия с двумя сыновьями-помощниками.

Наличие в рассматриваемых подвесках шумящих дополнений свидетельствует о возможном функционировании этих изделий в качестве «музыкального» сопровождения ритуального танца. В удмуртских этнографических материалах сохранились свидетельства использования шумящих и звенящих предметов в различных ритуалах. К примеру, колокольчики широко применялись в свадебном обряде как музыкальное сопровождение танцам, их подвешивали на лошадей, держали в руках или пришивали к одежде. Они были задействованы в погребально-поминальном обряде. Шумящие привески усиливали оберегательное значение амулетов, поскольку играли апотропеическую роль, что зафиксировано повсеместно, в ритуалах всех народов¹⁵.

Таким образом, анализ семантики шумящих подвесок с образом сдвоенных коней показал, что основные идеи, заложенные в этих изделиях, – плодородие и защита. Участие коня во всех сельскохозяйственных праздниках указывает на вероятное использование бронзовой гарнитуры с его образом в аграрной магии.

1. Шокшув Г.А. Отчет о раскопках городища Лобач и Кляповского могильника в 1961 г. // Архив КИАУ ПГУ. С.105.
2. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 1999. С.276.
3. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск, 1998. С.91.
4. Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. – Пермь, 1976. С.30.
5. Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // Советская археология. №3. – М., 1966. С.98; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С.74; Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. – Пермь, 2001.
6. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племён Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. – М.: Наука, 1977.
7. Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Мифология и искусство скифов и бактрийцев. – М., 2002. С.53.
8. Топоров В.Н. Ашвины // Мифология. БЭС. – М., 1998. С.80; Тахо-Годи А.А. Диоскуры // Мифология. БЭС. – М., 1998. С.190-191; Арутюнян С.Б. Санасар и Багдасар // Мифология. БЭС. – М., 1998. С.479-480.
9. Топоров В.Н. Указ. соч. С.80.
10. Иванов В.В., Топоров В.Н. Усиныш // Мифология. БЭС. – М., 1998. С.188, 565.
11. Ригведа / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Мандалы I-IV, 1989. С.20, 22, 464; Ригведа / Пер. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Мандалы IX-X, 1999.
12. Бессонова С.С. Религиозные представления // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. С.121, таб.37, рис.17.
13. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1988. С.203-204.
14. Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Мифология и искусство скифов и бактрийцев. – М., 2002. С.55.

15. Рыбаков Б.А. Указ. соч. С.484.; Владыкин В.Е., Чуракова Р.А. Обряд йыр-пыд сётон в поминальном ритуале удмуртов // Музыка в свадебном обряде финно-угорских и соседних народов. – Таллин, 1986. С.116.

Письменные и этнографические источники по изучению гончарства в Кунгурского уезда (XVIII - начало XX вв.)

*Н.С. Горикова,
г. Пермь*

Предметы бытовой керамики являются наиболее массовыми находками в археологических раскопках. Вопросы изучения керамики, в частности, ее систематизации и хронологической идентификации, являются одними из наиболее актуальных.

Активизация археологических исследований культурных слоев г. Кунгура второй половины XVII-XIX вв.¹ в 2000-х гг. позволила накопить достаточный объем материала для изучения керамического производства XVIII - начала XX вв., а также получить ряд ценных «закрытых» комплексов с предметами XVIII-XIX вв. Качество технологической и хронологической реконструкции в настоящее время во многом определяется подходами к исследованию керамики.

Специалистами по различным сферам керамического производства разработано значительное количество методик исследований бытовой керамики, в том числе происходящей из слоев поселений Нового времени. Все большее применение в изучении керамики находит комплексный подход, общий смысл которого состоит в привлечении к исследованиям керамических комплексов из археологических раскопок дополнительных источников информации, в частности, документальных и этнографических данных. Взаимная верификация сведений различного происхождения позволяет снизить вероятность ложных результатов и повысить аргументированность выводов.

Ценные сведения при реконструкции технологических процессов в гончарстве г. Кунгура и Кунгурского уезда в XVIII - начале XX вв. дают статистические очерки конца XIX - начала XX вв.² В этот период кустарные промыслы, в том числе и гончарные производства, становятся объектами заботы со стороны земских учреждений. В пореформенной России наряду с быстрым ростом капиталистической промышленности продолжали существовать и мелкие ремесленные производства. Многие из них, не выдерживая конкуренции с фабричными товарами, прекращали существование. Земства пытались помочь мелким товаропроизводителям. С этой целью проводились массовые обследования кустарных промыслов. Результаты их публиковались в специальных сборниках и брошюрах.

Земские отчеты и исследования – самая обширная группа письменных источников о восточноевропейском гончарном производстве второй половины XIX - начала XX в. Однако составителей документов занимали, прежде всего, сведения экономического характера. О технике и технологии производств они если и писали, то, как правило, вскользь, между прочим, не давая ни подробного описания приемов и орудий труда местных гончаров, ни иллюстрирующих материалов.